

Он повернулся к полураспустившимся ветвям ивы, которые колыхались на ветру, и почувствовал, как его сердце тоже начало трепетать. Он понимал, что многие вещи неизбежны, и если продолжать откладывать, Му Цинфэн может устроить еще больше неприятностей.

— Минъюэ, соглашайся!

Гу Шаобай пришел рано, гораздо раньше назначенного времени.

Ветер развеивал его одежду, а время стремительно утекало.

Перед ним расстилалось озеро, такое же прекрасное, как и прежде.

Пруд Ласточки, Пруд Ласточки!

Тогда здесь стоял человек, озаренный солнечным светом, с улыбкой, которая озаряла все вокруг. Этот образ уже тысячи раз всплывал в его памяти.

Солнце играло на поверхности озера, создавая сверкающие блики. На берегах цвели цветы, их аромат смешивался с теплым воздухом.

Легкие волны разбивали отражение юноши на воде, но когда ветер утихал, оно снова становилось четким.

Он словно видел того самого юношу, который стоял здесь с чистым сердцем, полным радости и счастья.

Теперь, вернувшись сюда, Гу Шаобай понял, что он все еще не жалеет о прошлом и не испытывает ненависти. В его сердце осталась лишь разочарование, которое он оставил в уголке, чтобы оно покрылось пылью.

*

Жаль юношу в синих одеждах, чья молодость прошла впустую,

но он не пожалел о прожитых годах!

*

В этой жизни он будет ждать, ждать неизвестного финала.

Остается два выбора: победа и жизнь, или поражение и смерть!

Гу Шаобай никогда не будет жить в полусмерти.

Вдалеке Му Цинфэн вышел из кареты и направился через ряд хвойных деревьев к Пруду Ласточки.

Идя, он вдруг остановился.

Белая фигура у Пруда Ласточки казалась ему знакомой, как будто он видел ее во сне множество раз.

Прошло больше месяца с их последней встречи, и он, кажется, снова вырос, но остался таким

же худым. Его тонкая талия, казалось, колебалась на ветру, словно он мог в любой момент раствориться в воздухе.

Услышав шаги позади себя, Гу Шаобай обернулся и с улыбкой поклонился:

— Давно не виделись, брат Чжоу, надеюсь, вы в порядке!

Его глаза были чистыми и ясными, как стекло, словно могли проникнуть в самую душу. Му Цинфэн смотрел на него и начал сомневаться, не слишком ли он подозрителен. Может, этот человек просто наивный ребенок?

Гу Шаобай наклонил голову, рассматривая Му Цинфэна. Он был одет в роскошный костюм из шелка с узорами из серебряных облаков на темно-синем фоне, а на поясе висела изысканная нефритовая подвеска.

Он про себя усмехнулся. Даже притворяясь Чжоу Фэном, он не мог отказаться от роскоши!

Му Цинфэн с улыбкой ответил на поклон.

Миньюэ уже приготовил фрукты, закуски и чай в беседке у воды.

Му Цинфэн понюхал аромат чая, поднимавшийся из чашки, и через дымку, идущую от маленькой печи, посмотрел на Гу Шаобая.

Тот не смотрел на него, а слегка отвернулся, любуясь видом на озеро, горы и облака. Солнце было ярким, и он прищурился, а на губах играла легкая улыбка. Его черные глаза, как чернильные капли, отражали блеск озера, а из-под черных волос виднелась тонкая белая шея. Его бледно-розовые губы покраснели от горячего чая, и даже самый талантливый художник не смог бы передать изысканные черты его лица.

Му Цинфэн смотрел на эту тонкую шею, на маленькую мочку уха, на розовые губы и вдруг почувствовал, как внизу живота разгорается огонь. Он был не сильным, но вызывал странное чувство по всему телу.

Особенно эти черные ресницы, как две маленькие кисточки, скользили по его сердцу, усиливая это странное ощущение.

Его горло пересохло, как пустыня. Он резко выпил чай, забыв, что он еще горячий. Чай уже был во рту, и выплюнуть его было бы неприлично, поэтому он с трудом проглотил, обжигая горло. Глаза его покраснели, как будто он вот-вот заплачет.

Гу Шаобай как раз обернулся и увидел, что он обжегся. Он не смог сдержать улыбки.

«Сам виноват, почему не обжегся до смерти!»

Но, встретившись взглядом с Му Цинфэном, он невольно отвел глаза.

Он взял серебряную вилку, поднял кусочек хрустальной груши и протянул ему.

Му Цинфэн взял грушу и положил в рот. Сладкий сок мгновенно смягчил обожженное горло, и ему стало легче.

Миньюэ налил еще чая и вышел.

Был уже конец весны, и погода становилась теплее. Даже ветер был мягким и приятным. На берегу несколько ив склоняли свои ветви к воде, создавая прекрасный весенний пейзаж.

Тонкое облако закрыло солнце, и Гу Шаобай замолчал. Он не знал, что сказать в такой обстановке.

Он хорошо помнил этот момент. Тогда Чжоу Фэн искренне выразил свою любовь и поклялся быть верным до конца жизни.

А его ответ был прост:

«Сегодня такой день, когда я встретил прекрасного человека», — что было мягким согласием.

В конце концов, это Гу Шаобай влюбился с первого взгляда, это он пустил корни любви, это он был бесстыдным.

Он действительно стал тем, о ком говорят: «Цветок упал, а вода течет безразлично». Хм, действительно безразлично!

Действительно безразлично!

— Шаобай, — Му Цинфэн, видя, что он задумался, решил нарушить тишину. — Спасибо за внимание и за картину, которую ты мне подарил. Я очень польщен. Позволь мне выразить благодарность чаем!

Гу Шаобай тоже поднял чашку:

— Взаимность — это вежливость. Я должен благодарить тебя, брат Чжоу.

Кто бы мог подумать, что кому-то понравится быть сравненным с жабой? Как забавно!

Му Цинфэн сказал:

— Шаобай, как ты думаешь, мое каллиграфическое произведение достойно твоего внимания? Можешь ли ты дать мне совет?

Гу Шаобай ответил:

— Твои линии остры и сильны, они проникают сквозь бумагу. Кто я такой, чтобы комментировать?

Му Цинфэн почувствовал, что в его словах скрыт намек, словно он говорит с подтекстом.

Он решил быть прямым:

— В «Шицзин. Гофэн» говорится: «Если мне дадут папайю, я отвечу нефритом. Это не просто ответ, это знак вечной дружбы». — Он поднял чашку к губам, проверив температуру, и с улыбкой посмотрел на Гу Шаобая. — Могу ли я считать твою картину этим нефритом?

Пальцы Гу Шаобая, держащие чашку, слегка дрогнули. Он сжал их сильнее, но на лице сохранил спокойствие:

— Брат Чжоу, «Я знаю, что пока живу, любовь живет во мне, и я смотрю на реку, слушая ее звуки». Я понимаю, что ты хочешь дружить со мной. — Он отвел взгляд от Му Цинфэна и

устремил его на падающий в воду лепесток. — Я знаю, что я глуп, но ты не отвергаешь меня. Я хочу быть твоим другом...

Гу Шаобай никогда не чувствовал себя таким неуклюжим!

Хотя он много раз напоминал себе, что все это уже в прошлом, что чувства того человека были ложью, его любовь была обманом, все было фальшивым, но когда их взгляды случайно встречались, глаза Му Цинфэна, как сеть, опутывали его, и он не мог вырваться, не истекая кровью!

Му Цинфэн, видя, как он нервно отводит взгляд, а кончики его пальцев побелели от напряжения, задумался. Неужели он недостаточно ясно выразился? Или Гу Шаобай притворяется глупым?

Он знал, что это было слишком внезапно, нужно было больше времени. Хотя в Да Инь общество было открытым, и отношения между мужчинами не были чем-то необычным, Гу Шаобай был мужчиной, представителем благородной семьи, молодым, но уже известным в столице. Он не был актером, который мог позволить себе быть свободным!

Перед встречей он готовился к разным вариантам: Гу Шаобай мог рассердиться, уйти, мог указать на него пальцем и кричать. Согласие было маловероятным.

Но он не ожидал, что этот человек будет нервничать из-за его слов, а затем, сменив тему, превратит его признание в дружбу. Это было неожиданно!

Глядя на выражение лица Гу Шаобая, он пожалел, что был слишком прямолинеен. Однако стрела уже была выпущена.

Му Цинфэн допил чай, налил себе и Гу Шаобаю еще, и его глубокий взгляд, как веревка, опутал его, не давая скрыться:

— Ты знаешь, я не это имел в виду. Я хочу сказать...

— Брат Чжоу, — Гу Шаобай вдруг прервал его, его ясный взгляд, как хрупкое стекло, на мгновение встретился с его глазами, а затем скользнул в сторону, остановившись на фарфоровой чашке. — Дай мне время, дай мне время...

<http://bllate.org/book/16730/1538590>